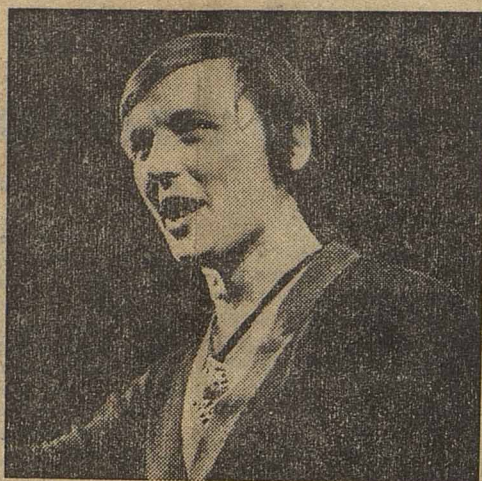

К НЕСЫГРАННОЙ РОЛИ

Белорусский государственный академический театр имени Я. Купалы — это традиции и новаторство. Это сочетание фольклорных рисунков с углубленностью в психологический мир человека. На его сцене рядом с классической «Павлинкой» ставятся лучшие пьесы современных белорусских и советских авторов. Традиции, завоевания признанных мастеров Л. Ржецкой, З. Стоммы, С. Станюты продолжают воспитывать молодое поколение артистов. И среди достойных преемников прекрасных исполнителей — Анатолий МАЗЛОВСКИЙ.

В жизни, без грима и костюма театрального персонажа, он, оказывается, невысокий, скромный, даже незаметный человек, ничуть не похожий ни на одного из своих героев. Трудно даже представить, что это именно он, а не кто-то другой, был для нас и эксцентричным Малышом из «Затюканного апостола», и шукшинским Пьяных из «Характеров» и многими другими, совершенно различными персонажами. Нет у него вроде яркой артистичной внешности, нет у него ни звучного голоса, ни прочих внешне, казалось бы, необходимых для исполнителя атрибутов. Зато есть другое, нечто более важное: собственное обостренное видение мира, уверенность в своей правоте и страстное желание убедить в ней зрителя.

— Знаете, ведь я никогда не собирался быть артистом, — улыбается Анатолий. — Правда, театр, его яркая, красочная, трудная жизнь меня манили с детства. Но сцена? Я не видел в себе таланта, не чувствовал, что смогу играть. И все-таки моей мечтой было — находиться поближе к сцене, как можно теснее соприкоснуться с театром. И поэтому я поступил в Московское театральное художественное училище на специальность художника-гримера. Но шли годы учебы, и все постепенно изменилось. Участие в студенческих постановках, поездки с концертами сделали мое любительское увлечение сценой профессией. И после училища я все-таки стал артистом. Потом были драматические театры в Томске, Челябинске, затем — заочное отделение ГИТИСа. Работа в экспериментальном театре — студии Г. Юденича стала для меня великолепной школой артиста. Синтетичность музыкально-драматического жанра, публицистичность, страстность этого театра стали основой моих последующих работ.

— Значит, все-таки талант, о котором вы раньше не подозревали, был. Ему только нужно было развиваться, найти себе выход. И в этом помогла школа актерского мастерства. Итак, артист — это талант плюс школа?

Анатолий задумывается на мгновение и отвечает:

— И да, и нет. Талант и школа необходимы, чтобы быть артистом. Но, увы, этого еще недостаточно. В актере должна быть «изюминка», если хотите. Какое-то очень свое, яркое восприятие мира. Нужно, чтобы было что сказать зрителю. Нужно найти свою тему. Помочь зрителю в чем-то разобраться, открыть ему новое в давно известном. И счастье, если есть роль, близкая тебе по идейной и эмоциональной насыщенности, где можно выразить все свои силы.

— И для вас такой ролью стал...

— Малыш в «Затюканном апостоле» А. Макаенка. Знаете, это до сих пор моя самая любимая работа, хотя спектакль уже идет несколько лет. Эта роль — откровение, образ-парадокс. В нем идет борьба добра и зла. Это история уничтожения незаурядной, интеллигентной личности. Малыша убивают не отравленные ядом равнодушия родители, его ломает жестокий буржуазный мир. И мы своим спектаклем призываем к борьбе за человека, против насилия над его духом. Мне очень близок Малыш с его поисками правды жизни, сопротивлением злу, внутренними конфликтами. Эта же идея до известной степени пронизывает и другие роли, над которыми я работал. Будь то богатей Оскар Ригго из «Лестницы славы» Э. Скриба, или Любаев из «Протокола одного заседания» А. Гельмана, или Человек театра из спектакля «Забить Герострата!» Г. Горина — борьба за человека продолжается. Изменяются выразительные средства: от внутреннего перевоплощения до брехтовского отчуждения от образа. Но идея, цель спектаклей и моих ролей остается неизменной — пробуждение нравственных сил человеческой личности.

— «Затюканный апостол» прошел перед зрителями уже

более 250 раз. Конечно, это несомненный успех. Но это одновременно и усложнение работы. Ведь невозможно в двухсотый раз выйти на сцену в той же роли с тем же энтузиазмом и вдохновением, что и в первый. Говорят, спектакли «стареют». И все-таки зрителю не важно, сколько раз вы побывали Малышом. Вы должны убедить его, что все переживаете впервые. И судя по тому, что до сих пор спектакль идет с неизменным успехом, вам это удастся. Как?

— У артистов есть такое понятие — быть свободным в роли. Так вот, «Затюканный апостол» стал для всего актерского состава такой пьесой. Свободу, которую мы чувствуем, выходя к зрителям, мы приобретали с первых репетиций. Нам с самого начала не дали строгих инструкций по мизансценам, интонации. Мы сами искали, экспериментировали в каждом отрывке пьесы. И этот поиск продолжается от спектакля к спектаклю. Если я свободен в роли, я могу импровизировать на сцене. Сказал фразу с другой интонацией — и у зрителей впечатление совершенно иное. И так постепенно, от раза к разу спектакль чуть изменяется, оживает. Мы ищем новые нюансы, не отходя от общего режиссерского рисунка.

Очень много дают гастрольные поездки. Встреча с новым зрителем заставляет встряхнуться. Зачастую то, что вызвало улыбку в Минске, кажется не смешным в Москве или наоборот. Тут тоже прямо на спектакле приходится ориентироваться, по-иному расставлять акценты.

Здесь для меня всегда примером служил В. Тарасов. Помните его Клеона в пьесе «Забить Герострата»? Сколько новых идей на каждом спектакле! И все-таки это все тот же жестокий и вместе с тем беспомощный властитель.

— А ваши последние работы? Какие темы стали центральными в них?

— Сейчас я с большим интересом готовлю литературные программы. Их темы — в общем-то продолжение моих предыдущих работ. Только в центре стоит творческая личность. Художник и время. Художник и народ. Духовность и бездуховность. Я уже сделал две программы, одну — по стихам Есенина и Маяковского, другую — по произведениям Вознесенского и Васильева.

А сейчас вот, смотрите...

Анатолий достает из кармана пиджака пачку мелко испиленных листов.

— Это будущая программа по письмам Ван Гога. Почему именно Ван Гог? Он для меня — идеал художника. Самоотверженный, до мозга костей отданный своему делу, пусть даже фанатично ему преданный. Именно такие люди нужны искусству. Словами этого художника мне хочется выразить свое отношение к миру, людям.

А театр? Знаете, когда мне было двадцать, я знал весь репертуар. Мог сыграть четыре роли в одной пьесе. Брался за все, что предлагали, с огромным рвением. Теперь мне 35. Период «количественного» накопления миновал. Я мечтаю о роли, до которой нужно тянуться, которая потребует отдачи всех сил. Роль должна быть высотой. А ее взятие — победой. Такой высотой, несмотря на то, что я был занят во многих пьесах, до сих пор для меня остается только Малыш. Вся остальная работа — это подготовка к новому штурму. И только вершина уже должна быть выше. Артисту постоянно необходимо двигаться к новому. Потому что стоять на месте для него означает катиться назад. Ведь время идет вперед.

Беседу вела Л. БОДАКОВА.